

Г Р А Ф Ъ Н У Л И Н Ъ .

Пора , пора ! рога трубятъ ;
Псаря въ охопничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣптъ ужъ на коняхъ сидятъ ,
Борзья прыгають на сворахъ .
Выходитъ баринъ на крыльцо ,
Все , подбочась , обозрѣваетъ ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ .
Чекмень запылуцый на нёмъ ,
Турецкій ножъ за кушакомъ ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ .
Въ ночномъ чепцѣ , въ одномъ плапочкѣ ,
Глазами сонными жена
Сердито смотришь изъ окна
На сборъ , на псарную преводу .

★ ★

Вопи́ мужу подвели коня;
 Онъ жолку хванъ и въ спрема ногу,
 Кричишь женѣ : не жди меня!
 И выѣзжаешъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно : грязь , ненастье,
 Осенній вѣперъ , мѣлкій снѣгъ ,
 Да вой волковъ. Но что-то счастье
 Охотнику ! не зная нѣгъ ,
 Въ опѣѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ ,
 Вездѣ находишь свой ночлегъ ,
 Бранишься , мокнешъ и пируешъ
 Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаешъ супруга ,
 Одна въ опсунувшии супруга?
 Занятій мало ль ешь у ней?
 Грибы солпшь , кормишь гусей ,
 Заказывашъ обѣдъ и ужинъ ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянушь.
 Хозяйки глазъ повсюду нужемъ :
 Онъ вмгъ замѣпишь что нибудь.

Къ несчастью , героиня наша
 (Ахъ , я забылъ ей имя дашь!

Мужъ проспо звалъ ее Напаша,
 Но мы — мы будемъ называшь
 Напашья Павловна), къ несчастью,
 Напашья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственною часпью
 Не занималася, запѣмъ,
 Чпо не въ опеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сенсименпальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей —
 Романъ классической, старинной,
 Опмѣнно длинной, длинной, длинной,
 Нравоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ запѣй.

Напашья Павловна сначала
 Его внимашельно читала,
 Но скоро какъ-шо развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею шихо занялась.

Кругомъ мальчишки хохотали :
 Межь шѣмъ печально подѣ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣнухомъ ;
 Три ушки полоскались въ лужѣ ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсиль на заборъ ;
 Погода спановилась хуже :
 Казалось, снѣгъ илпни хопфят...
 Вдругъ колокольчикъ зазвѣнѣлъ.

Кипо долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, шолтъ вѣрно знаешъ самъ ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальной
 Порой волнуешъ сердце намъ.
 Не другъ ли вдепъ запоздалой ,
 Товарищъ юноши удалой?...
 Ужь не она ли?... Боже мой!
 Воптъ ближе, ближе. Сердце бьешся....
 Но мимо, мимо звукъ несешся,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Нашалья Павловна къ балкону
 Въжиптъ, обрадована звону,
 Глядиптъ и видиптъ : за рѣкой
 У мѣльницы коляска скачептъ,
 Воптъ на моспу— къ намъ шочно... нѣптъ ,

Поворошила вѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чужь не плачетъ.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
Кто памъ? скорѣй! Вонъ памъ коляска:
Сей часъ везши ее на дворъ
И барина проситъ обѣдать!
Дя живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.

Напалья Павловна спѣшитъ
Взбитъ пышный локонъ, шаль накинутъ,
Задернутъ завѣсъ, спуль подвинутъ,
И ждетъ: да скоро ль, мой Творецъ!
Вошь ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненный, печальной
Кой-какъ пацится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоритъ: allons, courage!
Вошь у крыльца; вошь въ сѣни входятъ.
Покамѣспъ барину шеперь
Покой особенный опводятъ
И наснежъ опворяютъ дверь.

Пока Ricard шумишь, хлопчешь,
 И баринъ одѣвался хочешь;
 Сказанъ ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краёвъ,
 Гдѣ промоналъ онъ въ вихрь моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казанъ, какъ чудный звѣрь,
 Въ Цепрополь ѣдегъ онъ шецеръ
 Съ запасомъ фракоевъ и жилешовъ,
 Шлягъ, вѣеровъ, плащей, корсеновъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цвѣшныхъ плашковъ, чулковъ à joug,
 Съ ужасной книжкою Гизопа,
 Съ шепрадью злыхъ каррикашуръ,
 Съ романомъ новымъ Валперъ-Скоппа,
 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ моштивами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ нешерпѣливо;
 Дверь отворилась; входитъ графъ;
 Напалья Павловна, привсавъ,
 Освѣдомляется учпиво,
 Каковъ онъ, что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего.

Идуиъ за сполъ; вопъ онъ сажинся,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаешъ разговоръ:

Свяную Русь бранишъ, дивинся
 Какъ можно жившъ въ ея снѣгахъ,
 Жалѣешъ о Парижѣ спрахъ.

« А что неашръ? » — О! сиротѣшъ,
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.

Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣшъ,
 И мамзель Марсъ, увы! спарѣшъ.
 За то Попъе, le grand Potier!

Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Довинѣ поддержалъ одинъ. —

« Какой писашель нынче въ модѣ? »

— Все d'Argincourt и Ламаршинъ. —

« У насъ имъ также подражающъ. »

— Нѣшъ! право? шакъ у насъ умы

Ужъ развивашься начинающъ?

Дай Богъ, шшобъ просвѣшилисъ мы; —

« Какъ пальи носятъ? » — Очень низко,

Почши до... вопъ по эшихъ поръ.

Позвольше видѣшъ вашъ уборъ;

Такъ... рюши, баншы, здѣсь узоръ;

Все эшо къ модѣ очень близко. —

« Мы получаемъ Телеграфъ. »

— Ага! хопише ли послушашъ

Прелесшный водевилъ? — И графъ

Поенгъ. «Да, графъ, извольше жъ кушашъ.»
 — Я сыпъ. — «И шакъ...»

Изъ-за стола

Вспаюнгъ. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижъ забывая,
 Дивинся, какъ она мила.
 Проходишь вечеръ непримъбно;
 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражаешся привъбно,
 То вдругъ пошутленъ безопвѣбно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно крапихъ слуга въ передней,
 Давно поенгъ пѣпухъ сосѣднй,
 Въ чугууну доску спорожъ бѣешъ;
 Въ гощиной свѣчки догорѣли.
 Нащалья Павловна вспаешъ:
 Пора, прощайше! ждунгъ пощелли.
 Прйпный сонъ!... Съ досадой вспавъ,
 Полулюбленнй, нѣжнй графъ
 Цѣлуенгъ руку ей. И чпо же?
 Куда кокешспиво не ведешъ?
 Проказница — проспи ей, Боже! —
 Тихонько графу руку жмешъ.

Напалья Павловна раздѣла;
 Споишь Параша передъ ней.
 Друзья мои! Параша эша
 Наперсница ея зашѣй
 Шьешъ, моешь, вѣспи переносишь,
 Изношенныхъ капотовъ просишь,
 Порою барина смѣшишь,
 Порой на барина кричишь,
 И лжешъ предъ барыней отважно.
 Теперь она полжуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаешъ ничего —
 Богъ вѣспъ, развѣдашь какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила коффу и чепецъ,
 Легла и вышши вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между пѣмъ
 И графъ раздѣлъ уже совсѣмъ.
 Ложился онъ, сигару просишь,
 Monsieur Ricard ему приносишь
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣщильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Валперъ-Скопша
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но Графъ душевно развлечонъ :
 Неугомонная забота
 Его превожитъ ; мыслишь онъ :
 Не ужь-по вправду я влюблёнъ ?
 Чпо, если можно?... вопль забавно ;
 Однакожь это было бь славно ;
 Я, кажется, хозяйкѣ миль —
 И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ ,
 Не спится графу ; бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечпой
 Въ немъ чувства. Цѣлкій ~~маня~~ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный станъ ,
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ : почно, почно шакъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку ; онъ дуракъ ,
 Онъ долженъ бы оспанься съ нею ,
 Ловить минушнюю зашью.

Но время не ушло: пеперь
 Ошворена конечно дверь —
 И пошчасъ, на плеча накинувъ
 Свой песирый шелковый халатъ
 И спулъ въ пошемжахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладоспныхъ награды,
 Къ Лукреціи Тарквиній новый
 Ошправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый кошъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадепся съ лежанки:
 Украдкой медленно идѣтъ,
 Полузажмурясь подспунаетъ,
 Свернешся въ комъ, хвостомъ играетъ,
 Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ пошемжахъ бродитъ,
 Дорогу оцупью находитъ;
 Желаньемъ пламеннымъ помимъ,
 Едва дыханье переводитъ,
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Волъ онъ подходитъ
 Къ завѣшной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь шихо, шихо усшупаешъ;

Онъ смотритъ : лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ ;
 Хозяйка мирно поживаетъ
 Иль прищворяется , что спитъ .

Онъ входитъ , медлитъ , опспушаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ .
 Она... Теперь , съ ихъ позволенья ,
 Прощу я Петербургскихъ дамъ
 Представити ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшитъ , что дѣлать ей ?

Она , открывъ глаза большіе ,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сыплеть чувства **выписныя**
 И дерзновенною рукой
 Уже руки ея коснулся...
 Но языкъ опомнилась она ;
 Гнѣвъ благородный въ ней проснулся ,
 И честной гордоспи полна ,
 А впрочемъ , можетъ быть , и страха ,
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину , да , да !
 Пощечину , да вѣдь какую !

Сгорѣлъ графъ Нулинъ ошъ стыда,
 Обиду проглотивъ шакую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадою спрашною пылая;
 Но шпиць косманый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышавъ графъ ея походку
 И проклиная свой ночлегъ
 И своенравную красонку,
 Въ постыднѣйшій обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводягъ оспальную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возспавъ поупиру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣниво;
 Ошдѣлкой розовыхъ ногней
 Зѣвая занялся небрежно,
 И галспукъ вяжетъ неприлежно,
 И мокрой щепкою своей
 Не гладитъ спириженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопъ его позвали къ чаю.
 Чшо дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой стыдъ и шайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый пошуя взоръ
 И губы алыя кусая,
 Заводилъ скромно разговоръ
 О помѣ, о семь. Сперва смущенный,
 Но поспепенно ободренный,
 Съ улыбкой ошвѣчаешъ онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужь онъ и шушилъ очень мило
 И чунь ли снова не влюблѣнъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входящъ. Кто же?
 « Напаша, здравспвуй. »

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вопъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

« Радъ сердечно я.

Какая скверная погода:
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ гошовый экипажъ.
 Напаша! памъ у огорода
 Мы заправили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу ошвѣдашь:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будеше обѣдашь?»
 — Не знаю, право, я спѣшу. —

«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, господамъ мы рады,
Нытъ, графъ, ошаньпесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды поперявъ,
Упрямился печальный графъ.
Ужь подкрѣпивъ себя спаканомъ,
Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивашъ сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка,
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣлся?
Не угадашь вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не шакъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень энымъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,

Молокососъ; что если шакъ,
То графа онъ визжашъ заспавишъ;
Что псами онъ его заправишъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати прехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказашъ, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

А. Пушкинъ.

М О Р Е.

Какъ спашъ гордыхъ лебедей,
На синемъ морѣ волны блестящъ,
Лобзаются, ныряющъ, плещущъ
По спройной прихоти своей.
Какъ упиваешся мой слухъ
Ихъ говоромъ необычайнымъ,
Какъ сладко предаешся духъ
Мечшамъ пѣвнишельнымъ и пайнымъ.